

УДК 340.12:342.7:172.3

КОГЕРЕНТНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИНЦИПОВ

Николай НЕСПРАВА,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальных наук

Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

На основе методологии правовой антропологии в статье критически проанализированы стереотипы секулярной парадигмы. Утверждается, что фундаментом демократического правового сознания является гуманизм. Раскрыто содержание отличительных для православия моральных принципов – человеколюбия и долженствования. Показана природа их взаимосвязи с демократическими идеалами свободы, равенства и братства. Доказано, что в то время как секулярный индивидуализм неизбежно приводит к вырождению псевдодемократического правосознания в конфликтное, православные человеколюбие и долженствование, напротив, определяют солидарный, кооперационный характер правового сознания. Таким образом, современная имплементация православных принципов придает концепту демократии универсальный жизнеутверждающий творческий характер. В свою очередь демократическое правосознание способствует развитию православной традиции, очищению ее от устаревших рудиментов, не имеющих отношения к евангельским заповедям.

Ключевые слова: правосознание, демократия, гуманизм, православные моральные принципы.

THE COHERENCE OF DEMOCRATIC LAW CONSCIOUSNESS AND ORTHODOX PRINCIPLES

Mykola NESPRAVA,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Social Sciences
of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

Based on the methodology of legal anthropology, the author critically analyzes the stereotypes of the secular paradigm. He claims that humanism is the foundation of democratic law consciousness. Paper discloses the content of such distinctive for Orthodoxy moral principles as philanthropy and obligation. It shows the nature of their interrelation with the democratic ideals of freedom, equality and brotherhood. The author argues that secular individualism inevitably leads to the degeneration of pseudo-democratic law consciousness into conflictual sense. On the contrary, Orthodox moral principles determine the solidary and cooperative nature of law consciousness. Thus, modern implementation of Orthodox principles forms universal life-affirming creative character of democracy concept. In turn, democratic law consciousness contributes to the development of the Orthodox tradition and to the purification from obsolete rudiments that are not related to the evangelical commandments.

Key words: legal consciousness, democracy, humanism, Orthodox moral principles.

Постановка проблемы. Более четверти века прошло с тех пор, как после развала СССР и социалистического лагеря страны Центрально-Восточной Европы вступили на путь демократической трансформации. Однако эйфория первых постсоветских лет сменилась осознанием того, что построение демократического общества – это процесс гораздо более сложный, чем разрушение коммунистических символов. Опыт показал, что задекларированный в Конституции идеал правового демократического государства недостижим без формирования национального демократического правосознания. Слепое копирование западных стандартов не дало желаемого результата. Восприятие демократии как вседозволенности привело к всепожирающей коррупции, поразительному экономическому неравенству и социально-политическим конфликтам. Это повлекло на рост разочарования в созидательном потенциале демократических идеалов. К тому же коррозия аморальности стала разъедать и сами так называемые «европейские» стандарты. Ценностный кризис, поразивший Евросоюз во втором десятилетии XXI века, привел к усилению позиций евро-скептиков и критиков либерально-демократической модели вообще. Это сказалось на неприятии населением стран-

неофитов ЕС идеологического и морального давления со стороны «продвинутых» европейцев. Таким образом, оказалось, что социальные системы европейских стран уже не укладываются в прокрустово ложе секуляризованных либеральных матриц. Особенно ярко этот антагонизм проявился в сфере традиционных духовных ценностей. На что указывает, в частности, итальянская исследовательница Алессандра Нуччи [1]. Необходимость возрождения attractiveness идеалов народовластия в правосознании населения и требования наполнения обновленной демократической модели духовными смыслами, которые коренятся в архетипах народного сознания, ставит на повестку дня проблему влияния на эти процессы христианских, а в контексте проблем стран Восточной и Южной Европы – православных принципов.

Актуальность темы исследования. Формирование демократического правового сознания является необходимым условием построения цивилизованного процветающего государства, которое является идеальным ориентиром для украинского общества. Поэтому определение факторов, определяющих его смысловое наполнение, является актуальной научной задачей. Следует отметить, что

в современной литературе правовое сознание объясняется в основном как совокупность представлений и понятий, выражающих отношение людей к праву как определенной материальной данности. В этой трактовке позитивное право выступает первичным по отношению к правосознанию, которое реализуется в законодательстве и правосудии. Однако происходящие сегодня трансформации мировоззрения, которые затрагивают все сферы общественной жизни, в том числе правовую, требуют более глубокого – философского – подхода к пониманию факторов, влияющих на правосознание как идейное выражение объективных общественных отношений, и обращения к онтологическим корням проблемы. И поэтому поиск экзистенциальных основ правового сознания ведет нас к таким его духовным первоисточникам, как моральные принципы, заложенные в христианстве. А учитывая, что почти 70% населения Украины считают себя православными [2], особенно актуальным в контексте задачи формирования демократического правосознания в нашей стране представляется акцент на постулатах именно этой конфессии. Изучение их взаимосвязи представляет не только научно-теоретический интерес, но и будет способствовать практическому разрешению указанных выше современных социальных конфликтов.

Состояние исследования. Проблематике взаимоотношений религиозных принципов и демократических ценностей по различным направлениям посвящены работы таких современных ученых, как П. Баренбойм, Дж. Витте, Д. Вовк, Л. Иванова, А. Кирлежев, М. Краснов, Д. Лукьянов, Ю. Мольтман, В. Новик, Р. Нойхаузен, Д. Поклингтон, М. Стакхауз, Л. Сюкияйнен, Дж. Тейлор, Г. Траер, Г. Форман, К. Харпер и других. Однако они не раскрывают особенностей потенциала православных постулатов в обновлении демократического правосознания. Кроме того, методологической основой нашего исследования являются оригинальные положения антропологии права, разработанные украинским философом С. Максимовым, которые впервые применены для освещения соотношения таких основ православной этики, как человеколюбие и долженствование с фундаментальными ценностями демократии – свободой, равенством, братством. Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что рассмотрение влияния современного православия на смысловое содержание демократического правосознания является определенной научной новеллой.

Цель статьи заключается в том, чтобы с позиций антропологии права продемонстрировать взаимосвязь моральных принципов, исповедуемых православием, и правового сознания, которое способствовало бы возрождению истинных демократических ценностей в современном обществе.

Изложение основного материала. Для того, чтобы показать когерентность демократического правосознания и православных принципов необходимо раскрыть их суть с точки зрения правовой антропологии. Исследование этого вопроса оказывается возможным, потому что, как указывает известный украинский правовед Сергей Максимов, существует закономерность корреляции «образа человека» и «образа права». Сущность ее заключается в том, что тот или иной «образ права» (правопонимания), а также обусловленная им правовая система, ориентируются на определенный «образ человека» (концепция природы человека) и от него ведут свой отсчет как от собственной исходной точки [3, с. 144].

Вопрос о понимании природы человека восходит к основному вопросу философии: что первично дух или материя? Приверженность идеалистической (религиозной) или материалистической (секулярной) парадигме образа человека определяет различие во взглядах философов и

правоведов и на природу правосознания. Мыслители, которые придерживаются религиозных взглядов (мы рассматриваем прежде всего христианское вероучение) считают, что право только «проявляется» во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Обосновывая верховное, руководящее значение религии для правосознания, русский философ Иван Ильин, определяет ее как субъективно наиболее ценное содержание, которое ведет человека по жизни и которое основано на предметном восприятии Бога [4, с. 388].

Секулярная парадигма выросла на идеях эпохи Просвещения. Она основывается на вере во всемогущество человеческого разума. В центр секулярной системы ценностей и, как следствие, правосознания поставлен индивидуум и его Эго. При этом демократический лозунг: «Свобода, равенство, братство», поднятый Французской революцией, решительно противопоставляется религиозному мировоззрению [5, р. 6–7]. Секулярная концепция предполагает, что люди сами устанавливают законы общности, так как, кроме природного пространства и обладателей прав человека в мире, больше ничего нет. Человеческий индивид является не просто основным, но и последним в ценностном отношении элементом социальной реальности, суверенной единицей, не подлежащей ни какому-либо делению, ни смешению или слиянию с другими единицами [6]. В связи с тем, что индивидуалистическую систему ценностей отчасти разделяют и многие протестантские течения, апологетами секуляризма упорно поддерживается стереотипное суждение о том, что именно апостольские христианские конфессии – католицизм и, особенно, православие – по своей природе являются оппонентами демократического правопорядка.

Однако они не замечают, что рано или поздно система, основанная на абсолюте личной свободы волеизъявления и преподносимая как идеал демократии, превращается в зону ценностных конфликтов между различными социальными актерами. В данном контексте является показательным тот факт, что Эммануэль Макрон, президент Франции – этой колыбели революции – уже назвал нынешнюю ситуацию в Европе гражданской войной [7]. Как тут не вспомнить известную гоббсовскую формулу «войны всех против всех и каждого против каждого». И это не случайно, ведь Томас Гоббс исходил из того, что человек – это абстрактный индивид (равный таким же абстрактным индивидам), который руководствуется исключительно своими интересами. Отсюда возникает и определенное правосознание. В его матрице необходимость правопорядка, то есть общих для всех людей норм, личность осознает только под угрозой насилия со стороны таких же индивидов, и эта угроза оправдывает механическую силу искусственной личности – государства, которое соединяет индивидов в одно целое. «В результате субъектом правопорядка оказывается совершенно имморальный, эгоистичный индивид, который стремится превратить другого в средство и который заключил с ним договор только под угрозой собственной безопасности, – подчеркивает С. Максимов. – Таким образом, на основе представлений о человеке как об «умном эгоисте» утвердить примат права невозможно, поскольку такой человек не имеет внутреннего критерия для выбора в ситуации нормативно-ценностного конфликта, а нуждается во внешней авторитетной опеке» [3, с. 144–145]. Очевидно, что ни о каком демократическом правосознании в данном случае не может быть и речи.

Мы убеждены, что корни данной антиномии имеют мировоззренческий характер. Говоря о причинах современного онтологического кризиса, игумен Вениамин (Новик)

указал, что они кроются в утрате представления о жизни как иерархической системе ценностей с соответствующим пониманием смысла жизни как служения высшей цели, исчезновение стремления внутренне привести себя в некое соответствие с этой системой ценностей (того, что в православной аскетике именуется «умным деланием»), неизбежно приводящие к секуляризации сознания, к его переориентации, образно говоря, с вертикали на горизонталь. «В принципе, все подлежит переосмыслению в свете христианства, – утверждал этот православный философ. – Христианство оказалось тождественным человеческой природе во всей ее часто мучительной сложности» [8]. Соглашаясь с ним в данном послыле, мы считаем, что в поисках решения проблемы коррозии секулярной индивидуалистической модели правосознания следует обратиться к принципам православия. В подтверждение этого мнения можно сослаться на точку зрения авторитетного американского философа-религиоведа Роберта Траера, который утверждает, что акцент на восточном православии мог бы позволить тем людям, которые по-прежнему не просто относятся к светской основе западной традиции прав человека, найти новую теологическую основу для поддержки целей повестки дня в области демократии [9].

Для начала должны быть преодолены предрассудки, касающиеся восприятия православия как изначального препятствия для демократического устройства. Исторические факты свидетельствуют совсем об обратном. На самом деле одной из самых устойчивых европейских демократий была православная Новгородская республика, которая просуществовала почти полтысячелетия вплоть до завоевания Великого Новгорода первым московским царем Иваном III в 1478 году. Примером демократического режима была и созданная в середине XVI в. казачья республика – Запорожская Сечь, условием получения «гражданства» в которой было православное вероисповедание. Политическая независимость Сечи была ликвидирована Петром I только в 1709 году. Первая европейская Конституция, авторство которой принадлежит казацкому гетману Филиппу Орлику, была принята 5 апреля 1710, то есть за 81 год до французской. И хотя эта Конституция и не была принята как законодательный акт, она впервые в истории задекларировала принципы демократического общества.

Отталкиваясь от этих фактов, мы рассмотрим тот инновационный потенциал реформации демократического правосознания, который содержится в веках исповедуемых православной Церковью принципах человеколюбия и долженствования. Безусловно, при этом необходимо принимать во внимание и наличие «петли обратной связи», благодаря которой демократическое правосознание трансформирует их современную имплементацию в категориях свободы, равенства и братства.

Общепринятым постулатом является утверждение, что краеугольным камнем демократического правосознания является гуманизм. Однако при этом секуляристы отказываются признать, что истоки европейского гуманизма восходят к проповедуемому христианским вероучением принципу милосердия. В Евангелии мы находим не только золотое правило: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мтф. 22:39), но и более сложную когнитивную модель: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного» (Мтф. 5: 43–46). Именно милосердие является отличительной чертой христианского мировосприятия. «Милосердие – это одно из главных проявлений любви и величайшая добродетель, – отметил предстоятель Украинской Православной Церкви Митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий. – Милосердие – это то, в чем крайне

нуждается окружающий нас мир, особенно сейчас» [10]. В православии такое человеколюбие особенно ярко проявляется через сострадание. По сравнению с представителями других конфессий для православных важнейшее значение имеют человечность и солидарность, которые находят свое выражение в словах Святого Павла: «... Страдает ли один член, страдают с ним все члены; и когда радуется один член, с ним радуются все члены» (Рим. 3: 37–38).

Православное человеколюбие формирует и соответствующее отношение к такой базовой категории демократического правосознания, как свобода. Очевидно, что православие не выступает против свободы, но предлагает свое понимание этой категории. Для православных свобода – это не характерное для современного общества «одинокое в толпе», а то стремление к сотрудничеству, которое отличает кооперационное правосознание от конфликтного. «Дар свободы является одним из высших даров Бога человеку и как конкретному носителю образа личного Бога, и как члену сообщества личностей, в единстве человеческого рода», – подчеркивается в документе Всеправославного Собора «Миссия Православной Церкви в современном мире» [11]. При этом свобода личности не рассматривается в православии как абсолют. Потому что свобода позволяет человеку, с одной стороны, преуспевать в восхождении к духовному совершенству, но вместе с тем включает в себя и опасность преслушания, выхода из подчинения Богу и через то – грехопадения, трагическим последствием которого является существование зла в мире. В демократическом правосознании свобода не может восприниматься как безграничная индивидуалистическая автономия. И это полностью соответствует постулату православия: «Сотворивший в начале человека сделал его свободным и самовластным, ограничив его одним лишь законом заповеди» [12]. Поэтому следование евангельской заповеди «Да любите друг друга!» (Ин. 13:34–35) и является тем путем к настоящей свободе и демократии, который предлагает современному миру православие. «Прощение – это путь к свободе, свободе любить всех. Эта свобода любить имеет большое значение для понимания, как пользоваться властью служения», – было отмечено на XVI международных Успенских чтениях «Свобода. Авторитет. Служение», которые проходили в Киеве с 23 по 25 сентября 2017 года [13].

Такое правосознание зиждется на исповедуемой православием онтологии человека, общества и мира. «Для православных Бог является прежде всего триединым Богом. Отец, Сын и Святой Дух находят свое существование в основополагающих отношениях между ними. Будучи убежденными в сотворении человека по образу этого (триединого) Бога, они считают основой духовного императива отношения между людьми, которые позволяют им жить во взаимном уважении и сообществе друг с другом, – отмечает Р. Траер. – Именно эта богословская основа, а не светский гуманизм западного либерализма или анти-теистическая традиция французской традиции в области прав человека, вдохновляет православную приверженность Всеобщей декларации прав человека и другим универсальным демократическим установлениям» [9]. Отметим, что обозначенный православный духовный императив по своему смыслу полностью соотносится со знаменитым категорическим императивом Иммануила Канта, который является классическим образцом соответствия «образа права» и «образа человека». Именно такое понимание экзистенциальной природы человека – через милосердие, любовь и уважение к достоинству каждой личности как творения Божия – веками было идентификационным маркером православной этики и должно определять дальнейшую гуманистическую направленность демократического правосознания.

Коллективизм и первичность интересов сообщества по сравнению с интересами личности являются атрибутивными отличиями православия. И в этом содержится его большой интеграционный потенциал. Отсюда же происходит и другой принцип православия – долженствование. Долженствование – это неотъемлемый деонтологический компонент демократического правового сознания, который отражает единство прав и обязанностей. В общем плане долженствование проявляется в том, что человек постоянно соотносит свои действия с идеальными образцами, с тем, что «надлежит быть», и тем самым стремится к этим образцам [3, с. 146]. «Именно <...> представление о должном и недолжном (допустимом и недопустимом) в общественном сознании формирует правовую систему общества», – констатирует Владимир Велепов [14].

Специфические черты православного представления о долженствовании как элемента правосознания проистекают из отличительного понимания такой категории, как человеческое достоинство. Согласно либеральному тезису достоинство присуще человеку от природы, то есть оно практически не отличается от права на жизнь. «Протестантизм исходит из того, что достоинство человека предоставлено человеку Богом и поэтому не является благом, которым люди могут распоряжаться по своему усмотрению, – отмечает Леонид Сюкийянен. – В частности, даже грешник сохраняет достоинство, которое не поддается человеческому контролю, поскольку им его наделил Бог» [15]. Поэтому, чтобы быть достойным от человека не требуется внутренней духовной работы. Таким образом, в либеральной трактовке эта категория в определенной степени теряет свой нравственный смысл. Напротив православные богословы исходят из того, что принятие Господом Иисусом Христом полноты человеческой природы, кроме греха (Евр. 4:15), показывает, что достоинство не распространяется на искажения, возникшие в этой природе в результате грехопадения. Поэтому достоинство – это то, что приобретает, когда личность осознанно делает добро. Отсюда возникают две разновидности свободы: внутренняя свобода от зла и свобода нравственного выбора. Свобода от зла является самоочной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность – достоинство, только когда человек выбирает добро. Наоборот, когда индивид выбирает зло, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит ущерб достоинству человека и общественной морали [16].

Таким образом, в восточной христианской традиции понятие «достоинство» имеет прежде всего нравственное значение, а представление о том, что достойно, а что недостойно, тесно связано с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души. А поскольку аморального достоинства не бывает, то и отрыв концепта демократии от нравственности означает его сплошную профанацию. Таким образом, в православной интерпретации о демократическом правосознании можно говорить только в том случае, если субъект воспринимает человеческое достоинство как следствие свободного выбора в пользу добра перед соблазном зла. «Православие открыто к демократии благодаря своим традиционным верованиям в то, что свобода выбора и человеческий фактор является необходимым условием для всех форм социальных изменений, – подчеркивает болгарский исследователь Даниэла Калгаджева. – Коренное отличие в отношении православной церкви к демократии и плюрализму заключается в том, что ее иерархия поддерживает демократию, но выражает двойственное отношение к плюрализму. Взаимодействие православия с демократией <...> приходит в момент, когда вопросы влияния и ограничения плюрализма ущемляют не только православных, но и многих других... Это выражает определенные предостереже-

ния относительно религиозного плюрализма, потому что его безоговорочный релятивизм подрывает смысл существования правды в едином Боге» [17, р. 352].

Долженствование в православии означает моральные обязательства личности прежде всего по соблюдению евангельских заповедей, но также и по отношению к другим людям. Поэтому православное долженствование означает не только следование некоему идеалу, но и утверждение нравственной ответственности личности, а также имеет деятельностный характер, определяемый такими категориями, как добродетель и благотворительность. Все это – законы православной жизни, в то время, как и секулярная, и протестантская этика опираются на иное понимание долга. Описывая мотивационные различия протестантов, Макс Вебер указывает, что вместо идеи братства и готовности «отдать рубашку» нуждающемуся (жест, символизирующий отказ от уз брэнного мира и готовность к жертве ради спасения души, характерный для католиков и, особенно, для православных) протестанты руководит строгий долг, который заставляет отдавать все силы служению «делу» и не потакать «лени» тех, кто не хочет жить честным трудом, ублажает тело и теряет душу [18, с. 28]. То есть, если для протестантизма должное – это «дух капитализма», то для православия – солидарность, братство и то товарищество, о непреходящей ценности которого устами Тараса Бульбы сказал Николай Гоголь.

Именно такое осознание долженствования устанавливает баланс между правами и обязанностями, что, в свою очередь, является деонтологической основой такого базового элемента демократического правосознания, как равенство. Современная православная церковь исповедует, что любой человек, независимо от цвета кожи, религии, расы, пола, национальности, языка, создан по образу и подобию Божьему и является равноправным членом человеческого сообщества. Следуя вере, что во Христе «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28), православие не воспринимает дискриминацию по всем перечисленным выше признакам, которая предусматривает неравенство между людьми. Важно подчеркнуть, что православное толкование демократии отличается неприятием, в том числе и так называемой «позитивной» дискриминации. Православная традиция выступает за право на любовь и против однополых браков, за свободу слова и против клеветы и оскорблений, за право на жизнь и против «права» на смерть, за право на творение и против «права» на разрушение. И таким образом она восстанавливает чистоту евангельских заповедей, что в свою очередь придает яркость и привлекательность православию, освобождая его от накали ретроградства.

Выводы. Вопреки навязываемым общественному мнению стереотипам православие не является консервативным антагонистом демократического правопорядка. Наоборот, православные моральные принципы способствуют наполнению правового сознания теми духовными смыслами, без которых гуманистические идеалы демократии попросту неосуществимы. Принцип человеколюбия, в особенной степени присущий православию мировосприятию, служит фундаментом духовного императива, лежащего в основе восприятия справедливости как морального стержня права. Этот императив ставит барьер на пути вседозволенности. Он придает ключевой для демократии категории свободы смысл сознательного выбора в пользу добра. При таком условии правопорядок обеспечивается не страхом, а любовью к Богу и людям в сочетании с ответственностью перед ними. Православный принцип долженствования, основанный на осознании того, что человеческое достоинство достигается добродетелью и благодеянием, явля-

ется базисом такой необходимой составляющей демократического правопорядка, как баланс прав и обязанностей. В то время как секулярный индивидуализм неизбежно приводит к вырождению псевдодемократического правосознания в конфликтное, православные человеколюбие и долженствование, напротив, определяют солидарный, кооперационный характер правового сознания. Приоритетами такого сознания выступают провозглашаемые идеалами демократии равенство и братство, оно не приемлет любую дискриминацию и нигилизм. Таким образом, современное православное правосознание придает концепту демократии универсальный жизнеутверждающий творческий характер. В свою очередь демократическое правосознание способствует развитию православной традиции, очищению ее от заскорузлых догматов, не имеющих отношения к евангельским заповедям.

Список использованной литературы:

- Nucci A. Europe's War on Christian Ethics. Catholic World Report. 2015. 28 May. URL: <http://www.catholicworldreport.com/2015/05/28/europes-war-on-christian-ethics> (Last accessed 15.05.2018).
- Релігійна самоідентичність і молитва в Україні. Київський міжнародний інститут соціології. 2016. 18 Лип. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=638&page=1> (дата звернення: 16.05.2018).
- Максимов С.І. Правова антропологія: гуманістична природа права. Філософія права: підруч. для студ. юрид. вищ. навч. закл. / О.Г. Данильян, О.П. Дзьобань, С.І. Максимов та ін. / за ред. д-ра філос. наук, проф. О.Г. Данильяна. Харків: Право, 2009. С. 143–159.
- Ильин И.А. О Сущности правосознания: собр. соч. в 4 т. Москва: Знание, 1994. Т. 4. 414 с. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/o_sushnostypravosozn/ (дата доступа: 15.05.2018).
- Definition of the most basic European Values. Creative Commons by EuropeanValues.info. 2016. 46 p. URL: http://europaeschewerte.info/fileadmin/templates/Documents/ewdef_en.pdf (Last accessed: 17.05.2018).
- Кырлежев А. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей. Информационно-аналитический центр «Сова». 2006. 09 дек. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/religion-human-rights/2006/11/d9521> (дата доступа: 17.05.2018).
- De Vries C., McNamara K R. How Choice Can Save Europe? The EU Needs Less Technocracy and More Democracy. Foreign Affairs. 2018. 14 May. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2018-05-14/how-choice-can-save-europe?cid=nlcfa_twofa-20180517 (Last accessed: 19.05.2018).
- Новик В. Православие. Христианство. Демократия: сборник статей. Санкт-Петербург: Алетея, 1999. 368 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/novik/index.php (дата доступа: 21.05.2018).
- Traer R. Christian Support for Human Rights. Religion and Human Rights. 2009. Vol. 4. URL: <http://religionhumanrights.com/Religion/Christian/christian.fhr.htm> (Last accessed: 20.05.2018).
- Вітальний адрес Предстоятеля УПЦ учасникам XVI Міжнародних Успенських читань. Синодальний інформаційно-просвітницький відділ Української Православної Церкви. 2016. 30 вер. URL: <http://news.church.ua/2016/09/30/vitalne-slovo-predstoyatelya-upc-uchasnikam-xvi-mizhnarodnix-uspenskix-chitan/> (дата звернення 20.05.2018).
- Миссия Православной Церкви в современном мире. Вклад Православной Церкви в достижение мира, справедливости, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой и прочих дискриминаций. Проект документа Всеправославного Собора, одобренный Собранием Предстоятелей Поместных Православных Церквей в Шамбези, 21–28 января 2016 года. 2016. 28 янв. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/4360988.html> (дата доступа: 21.05.2018).
- Григорий Богослов. Слова. Слово 14, О любви к бедным. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/14 (дата доступа 20.05.2018).
- Тодд М.М. Любовь сильнее за смерть. Православие в Україні. 2017. 25 вер. URL: <http://orthodoxy.org.ua/data/lyubov-silnishia-za-smert-meri-medlin-todd-op-neshvil-ssha.html> (дата звернення 21.05.2018).
- Велюпов В. Нравственность и права человека. Информационно-аналитический центр «Сова». 2007. 17 авг. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/religion-human-rights/2007/08/d11401/> (дата доступа: 21.05.2018).
- Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов. Право. 2012. № 3. С. 7–28. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=338589> (дата доступа: 20.05.2018).
- Основи вчення Руської Православної Церкви про гідність, свободу і права людини. / Офіційний сайт Руської Православної Церкви. 2008. 26 чер. URL: <http://www.patriarchia.ru/ua/db/print/1208006.html> (дата звернення: 24.02.2018).
- Kalkandjieva D. Religion and European Integration in Bulgaria. Religion and European Integration. Religions as a Factor of Stability and Development in South Eastern Europe: book series of European Academy of Sciences and Arts. / Eds. by M. Edler and F. Unger. Vol. 6. Weimar, 2007. 448 p. URL: http://www.academia.edu/2401802/Religion_and_European_Integration_Religion_as_a_Factor_of_Stability_and_Development_in_South_Eastern_Europe (Last accessed: 20.05.2018).
- Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Образ общества. Москва: Знание, 1994. 522 с.

ИНФОРМАЦИЯ ПРО АВТОРА

Несправа Николай Викторович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nesprava Mykola Viktorovych – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social Sciences of Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs

n.nesprava@gmail.com